

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОГАЙЦЕВ С НАРОДАМИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ В XVI–XIX вв.**

Издавна народы Северного Кавказа поддерживали между собой тесные экономические, политические и культурные связи. В течение многих столетий, живя по соседству и находясь в тесном общении, пройдя в своем культурно-историческом развитии большой и сложный путь, они не стали замкнутыми, изолированными друг от друга, оказывая друг на друга влияние, обогащаясь посредством обмена различными культурными ценностями, в результате чего у здешних народов выработалось много общих черт в духовной сфере. Общими были верования, большое сходство наблюдается в обычаях, фольклоре, одежде, вооружении. Местные жители обычно знали языки соседних народов, что приводило к употреблению общих терминов и слов.

Процессы взаимовлияния и взаимообогащения затронули в том числе и самобытную культуру ногайцев, для которых Северокавказский регион с давних времен стал новообретенной родиной.

Ногайцы известны всем народам Северного Кавказа под самоназванием ногайлар, ногай. Так, вайнахи (чеченцы) называют их ног/о(й), аварцы – ногъаяв, кумыки – ногъайлы (ногъай), даргинцы – нугъайлан, лакцы – нугъай, адыгейцы – нэгъой, кабардинцы и черкесы – нэгъуей, балкарцы и карачаевцы – ногъой, осетины – ногъай, абазинцы – наг/вай. Этноним «ногайцы» был хорошо известен не только народам, жившим на равнине или в предгорьях, но и жителям высокогорных районов Северного Кавказа (11. С. 80). Такая известность во многом объясняется тем, что ногайцы до начала XIX в. занимали многие равнинные и предгорные районы Северо-Кавказского региона (11. С. 80). Так, помимо основной территории, ногайские поселения имелись в Хусу-Фараке и Кета в Дигории (в Северной Осетии-Алании), в местности около с. Зеюко в Хабезском районе Карачаево-Черкесии (11. С. 80).

На основе укрепившихся торгово-экономических, политических, добрососедских и иных связей между народами Северного Кавказа и ногайцами в XVI–XIX вв. усиливалось и развивалось их культурное сотрудничество. В результате этого сложилось много общих черт в материальной и духовной культуре, что четко прослеживается в предметах хозяйственного и домашнего обихода, в национальной одежде и пище, в декоративном искусстве, празднествах, семейном и общественном быту.

Заметно изменился быт ногайцев: ногайцы восприняли очень многие стороны кавказского быта – устройство жилища, одежду и пищу. В одном из архивных источников о кубанских ногайцах сказано: «Они не имеют обыкновения жить в ногайских кибитках, а строят черкесские сакли» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 18. Л.44). Это свидетельствует о том, что ногайцы перешли к оседлому образу жизни и земледелие заняло важное место в их быту. В свою очередь и местные соседние народы, жившие на Тереке, Куме, Кубани, переняли у ногайцев многое – например, конское снаряжение (сбрую, короткие стремяна и др.), некоторые компоненты питания, в частности, ногайский чай.

Такие традиционные напитки ногайцев, как кумыс, йогурт, айран, распространялись среди многих народов Северного Кавказа, а некоторые блюда соседних народов, например, карачаевцев, кумыков, черкесов вошли в быт ногайцев. Так, у кубанских ногайцев популярными блюдами стали черкесское «либже» (блюдо из курицы) и карачаевский «кышын» (пирог с сыром), у дагестанских ногайцев – «долма» (тип голубцов) и «курзе» (тип пельменей) (23. С. 146).

Ногайцы, как и другие местные народы, в качестве средства передвижения использовали двухколесную арбу, запряженную быками. Ногайцы, жившие в верховьях Кубани и Большого и Малого Зеленчука, переняли от абазин и черкесов методы ведения хозяйства, характер жилища, многие черты материальной и духовной культуры (39. С. 238). Так, ногайцы переняли у горцев способ хранения зимой кукурузы в плетенках из хвороста (28. С. 25).

Под влиянием ногайцев осетины и адыги использовали в хозяйстве верблюдов. Кроме того, ногайцы делились с соседними народами опытом ведения кочевого и полукочевого скотоводства, а с переходом к оседлости – восприняли приемы ухода за скотом у горцев (28. С. 25).

Наблюдаются общие черты в фольклоре и в религиозных (домусульманских) верованиях северокавказских народов (12. С. 113). Многоязычие Северного Кавказа подчеркивал еще в конце XVIII в. академик В.Ф. Миллер: «Кавказский хребет – эта гора языков – представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы на сравнительно небольшом пространстве скупивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов» (35. С. 69).

Двуязычие как социальное явление было известно издавна. И представители народов Северного Кавказа нередко владели вторым языком, которым почти до конца XIX в. был сначала тюркский, а затем русский. Тюркский язык, в частности, ногайский, являлся для народов Северо-Западного Кавказа языком межнационального общения (39. С. 240). Азербайджанский и кумыкский языки использовались многими народами на Северо-Восточном Кавказе. Русский же язык, вытесняя тюркский, становился основным языком межнационального общения на Северном Кавказе со второй половины XIX в. Основные факторы, способствовавшие распространению двуязычия, – экономический (торговля, отгонное животноводство), а также территория расселения, продолжительность проживания этнической общности среди различных национальностей и т.д.

В русский и другие славянские языки попала часть тюркских терминов. Как подчеркивает исследователь И.Х. Тхамокова, «заимствования из кабардинского, чеченского или осетинского языков в терских говорах буквально единичны, тогда как тюркоязычных заимствований можно насчитать десятки, если не сотни» (44. С. 185). Лексические заимствования очень многообразны: это и названия явлений природы и представителей животного мира, одежды и пищи и географические понятия. Богатейший тюркологический материал (тюркизмы русской лексики) отражен в словаре В.И. Даля (16. С. 142). Тюркизмы русского языка на Северном Кавказе представлены следующими словами: башлык, бурдюк, шаровары, бешмет, буза, айда, казан, каракуль, караул, кенаф, кизяк, курага, майдан, саман, табун, туман, туша, халва, чалма, шайтан, шаль, шатер, ярлык, ясак, кавардак, кайма, камыш, капкан, кушак, сарай, карман (XVII в.), нагайка (плеть), бугай (бык).

Слово «башка» является русским суффиксальным образованием от тюркского «баш» (бас) – «голова», известного в современном русском лишь в выражении менять «баш на баш» – (менять без придачи) (45. С. 149, 233), первоначально оно употреблялось для обозначения мены скота. Слова «башка», «барыш» (выгода, прибыль), «аргамак» (породистая чистокровная лошадь), «курдюк» (хвост, в котором бывает до 15 кг сала), «толмач» (переводчик), «орда, ордынка, тамга» (печать, ханская печать, торговая пошлина), «тесьма» (лента), наименования предметов быта и торговли: «башмак, чулок, кафтан, япанча, дараги (шелковая ткань), тюк, чулан, каюк, кушак, басма, сундук, хабар» и т.п. в исследуемый период в русском языке были обычным явлением (45. С. 149, 233). Исследователь А.А. Селимов в статье «Некоторые тюркизмы русской речи жителей Дагестана» приводит такие слова: «бишлек» (сыр домашнего производства – от «бышлак» – кум. или «пыслак» – ног.), емурка, имурка, (разновидность люцерны – от «йымфршка» – ног. или «енгурчъя» – кум.) (45. С. 209).

О длительных и тесных связях между народами Северного Кавказа свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков. В каждом языке народов

Северного Кавказа встречается масса слов, заимствованных у близких и дальних соседей. Но особенно распространенными в описываемое время стали тюркские языки (на Северо-Западном Кавказе – ногайский, а на Северо-Восточном – кумыкский) (10. С. 28; 13). Среди кубанских ногайцев широко распространена фамилия Кумуковых. Носители ее считают, что их предки жили среди кумыкского народа, а другие высказывают мнение, будто они выходцы из Дагестана. Следует отметить, что в среде кубанских ногайцев выходцев из Дагестана в большинстве называли кумыками, какой бы национальности они ни были. Этому способствовало и то, что они знали кумыкский язык (27. С. 27; 9. С. 55).

Тюркские лексические заимствования в чеченском языке являются одним из следствий тюркско-вайнахских языковых контактов, результаты которых находят отражение не только на лексическом, но и на иных – фонетическом и морфологическом – уровнях структуры языков чеченцев и ингушей. Тюркскими заимствованиями (кумыкскими, ногайскими и др.), например, являются «саьрмасек» (чеснок), «саба» (мыло), «кема» (корабль), «урам» (улица), «бажа» (своjak), «орҕа» (иноходец) и др. (41).

Проникновение тюркских лексических и иных элементов в язык чеченцев и ингушей свидетельствует о многовековом территориальном взаимодействии носителей этих языков, использовании тюркских языков в качестве основного средства межнационального общения.

Важное историческое значение имеет установление конкретной языковой принадлежности тюркских топонимов, выявляемых на территории Чеченской Республики. Наличие на ее территории тюркских топонимов (гидронимов) способствует уточнению ареалов их распространения, решению вопроса об областях обитания тюркоязычных народов, в том числе и ногайцев. Например, на территории Чечни известны микротопонимы, в названии которых присутствует этноним «ногай»: «НогІийн шовда» (Ногайцев родник) в местности, населенной в основном чеченцами тайпа (рода) «ногІий» (ногай) Большого Кавказа (43. С. 7), «НогІийн боьра» (Ногайская балка) в с. Чеченаул (43. С. 151), «НогІамирзин корта» (Вершина Ногаймирзы) в пределах Терского хребта (43. Ч. 4. С. 126), с. Ногай-мирза-юрт (43. Ч. 4. С. 126) в Надтеречном районе.

Подробное описание исторических связей ногайцев с осетинами дает Б.А. Алборов в статье «Говор осетин-иронцев Моздокского района»: «Ногайский язык является интернациональным языком не только для осетин, но и для живущих рядом с ними черкесов, армян и грузин... Их увлекает сочный красочный ногайский язык, и они исполняют на нем больше, чем на своем родном языке, ногайские песни и сказки и пересыпают свою речь ногайскими пословицами и поговорками» (1. С. 275–276). В.М. Миллером описан факт, когда ногайцы изъяснялись на осетинском языке (35. С. 70). От ногайцев осетины переняли и некоторые имена собственные: Мырза (Мурза), Мырзабег, Хъантемир, Хъанцау и др. (20. С. 126). В абазинской антропонимии встречается значительное количество ногайских имен: НагІвайхан, Насыпхан и др. (21. С. 55), а среди ногайцев фамилия Абазов.

У ногайцев и осетин существовали общие черты в нормах обычного права (в правилах судопроизводства, гостеприимства), религиозных верованиях и т.д. Нужно отметить, что от осетин и кабардинцев ногайцы переняли религиозную традицию поклонения «духу гор» на горе Татартуп. Согласно священному обычаю, всякий, пришедший сюда, пользовался правом убежища (неприкосновенности). Здесь же заключались взаимовыгодные торговые и прочие сделки, в том числе между ногайцами и осетинами (20. С. 161).

Большое значение придавали ногайцы искусственному родству. Такое родство известно им, как и многим соседним народам региона, в самых различных видах. Наибольшее значение имели усыновление, побратимство и аталычество. Существовали и другие, близкие к ним формы породнения, которые устанавливались при обрядах первых лет жизни ребенка и во время свадьбы.

Так, к усыновлению или удочерению прибегали во многих жизненных ситуациях.

Если у роженицы не было или не хватало молока, ей приходилось обращаться к какой-нибудь кормящей женщине, и та тем самым становилась молочной матерью ребенка (Полевой материал, собранный в 1989 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 621. Л. 67). Кровник, у которого не было другой возможности избежать мести, искал случая, чтобы прикоснуться губами к груди матери своей жертвы и этим вынудить ее усыновить его (Полевой материал, собранный в 1989 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 621. Л. 105).

Как выше указывалось, у ногайцев в исследуемый период существовала форма искусственного родства – аталычество. Часто ногайские князья и мурзы отдавали своих детей в семьи представителей соседних народов или, наоборот, принимали на воспитание их сыновей или дочерей. В отписке воеводы в Посольский приказ в 1614 г. содержатся упоминания об аталыках ногайских мурз (25. С. 31.). Многие знатные фамилии адыгских закубанских племен, черкесы, кумыки отдавали на воспитание ногайцам своих детей (15. С. 119; 38. С. 15). Так, в XIX в. кумыкский князь С. Капланов воспитывался в ногайской семье, а аталыком ногайского князя Тембулата Карамурзина был абхазский князь Маршания (25. С. 31). Через аталычество между двумя семьями устанавливались тесные отношения, равные родственным и налагающие на обе стороны большие обязанности.

Важным моментом в этнокультурных взаимоотношениях ногайцев с народами региона являлись связи кровнородственного и брачного характера. Национально-смешанные браки выступали одним из факторов развития этнических процессов на Северном Кавказе и вместе с тем формой осуществления этнических контактов. И, стало быть, усиливали этнические контакты и в целом способствовали сближению народов. Этнокультурные отношения подобного рода имели огромное значение в семейно-общественном быту северокавказских этносов, приводя к трансформации этнической самоидентификации целых фамилий.

На протяжении XVI–XIX вв. ногайцы поддерживали кровнородственные взаимоотношения со всеми народами региона.

Наиболее часто в описываемый период карачаево-балкарские аристократы вступали в родственные отношения с ногайскими князьями (Карамурзины, Мансуровы, Тогановы). Для карачаево-балкарских владетелей заключение межэтнических браков, в частности, с ногайцами диктовалось соображениями политического характера (установление союзнических отношений, примирение и т.д.), а также стремлением не уронить своего сословного положения неравным браком (4. С. 113).

В списке Н.Г. Петрушевича (ЦГА Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 23. Л. 50–86), составленном в 1874 г., указывается, что карачаевские князья Карамурзины происходят от кабардинских владетелей Карамурзиных, а те в свою очередь происходили от ногайских князей Карамурзиных (36. С. 38). Родоначальником карачаевских Ногайлиевых был также ногайский князь Карамурзин (30. С. 38). Кроме того, ногайцами были родоначальники карачаевских фамилий Алакаевых, Кубековых, Мижевых, Сеитовых (30. С. 38).

В рассматриваемое время феодалы Осетии вступали в брачные связи с аристократическими кланами Грузии, Дагестана, Крыма, Ногайской Орды и др. (17. С. 17). Так, женой правителя Малого Ногай князя Казы была дочь кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукина, невесткой же первого, т.е. женой его сына, была сестра князя Алегуки Шогенукова (42). В начале XVII в. свояками были: крымский царевич Шагин-Гирей, сын князя Малого Ногай Казы и кабардинский владетель Шолох Сунчалеевич – все трое были женаты на сестрах Алегуки Шогенукова. Дочь Темрюка – Малхуруб была женой Тинехмата (Дин-Ахмед), сына Исмаила (22. С. 383–385). Эти родственные связи сыграли значительную роль в политической жизни Северного Кавказа.

На Северном Кавказе имели место не только династические, феодальные и т.п. смешанные браки. Близкое соседство вело также к более простым родственным связям. Межэтнические браки народов Северного Кавказа являлись одним из каналов культурного взаимовлияния. Подтверждением этому служат фрагментарные

свидетельства в фольклоре, письменные источники и другие этнографические материалы. Кроме того, существовали смешанные поселения из кабардинцев, ногайцев, кумыков, аварцев, чеченцев и ингушей (34).

Ногайские этнонимы также оказали влияние на образование некоторых фамилий Северного Кавказа. Кабардинский исследователь Х. Яхтанигов пишет следующее: «Своеобразной дополнительной информацией о сложных и тайных политико-территориальных, сословно-династических и этнокультурных контактах ногайцев с остальным горским миром является как наличие у тех ряда фамилий явно ногайского происхождения – Есеней, Кандауров, Клычев, Наурузов, Ештреков, Жанхотов, Жанбеков, Найманов, Цеев, Шорокада, Тамазов, Алтыяк, Карамурзов, Нагаев, так и масса совпадающих тамг» (47. С. 265). Нужно отметить, что в приводимом автором списке фамилий ногайского происхождения не все бесспорно.

Следует отметить, что зачастую ногайцы, вынужденные по каким-либо причинам покинуть свою родину, переселялись в места проживания соседних народов Северного Кавказа, где они ассимилировались в местной этнической среде. Наиболее часто подобные переселения ногайцы совершали в Кабарду, Карачаево-Черкессию, Чечню, Дагестан, то есть именно к тем народам, с которыми они поддерживали тесные этнокультурные связи. Нужно сказать, что переселенцы на протяжении нескольких поколений помнили о своем происхождении и старались не прерывать взаимоотношений со своими родственниками, остававшимися в родном краю. Это, в свою очередь, стимулировало развитие новых этнокультурных контактов между ногайцами и другими народами региона.

Так, фамильное предание лечинкаевских Нагоевых повествует о Нэгъуе, который из ногайских степей попал в Шапсугию, а затем уже в Кабарду. Сын Нэгъуея Батыр и внук Исмель сохранили имя своего предка, который примерно в конце XVII в. оказался в Тохтамышеве в Кабарде (36. С. 265). Несколько корней Нагоевых есть в Баксане Кабардино-Балкарии (36. С. 265). Кроме того, в Баксане и Нальчике живут Нагоевы, выходцы из Адыгеи, они происходят от Нагея Цеева. Потомки рассказывают, что Нагей Цеев перед смертью попросил поменять фамильное имя на Нагей (36. С. 266). Шесть поколений тому назад ногайцем Абдурахманом и его сыновьями Ногай-мурзой и Мусой было положено начало балкарским (урусбиевским) Ногайлиевым (ЦГИА Республики Грузия. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2935. Л. 34–34 об.).

Как известно, некоторые народы (кубанские ногайцы, адыги, ингуши, осетины, карачаевцы и др.) в конце XVIII–XIX вв. при выдаче паспортов, переписи населения, которую производила русская администрация, были записаны под родовыми фамилиями. Такая запись позволяет проследить межэтнические связи народов региона. Так, например, у кубанских ногайцев есть фамилия Хубиев, у осетин – Худиев, у карачаевцев – Хубиев. У ногайцев, осетин и карачаевцев – Кокаевы (24. С. 307, 308); Алакаевы у кабардинцев и ногайцев (36. С. 316).

Ногайские князья Ахловы, Тогановы, Ураковы, Каплановы, Наврузовы и др. имели родственные связи в Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгее (24. С. 308).

Одним из путей складывания генеалогических связей между казачеством и народами региона являлось представительство народов Северного Кавказа в рядах казачьих войск. Так, в 1806 г. российским правительством с целью «отвести ногайцев с Кубани, каждому из них предложено было срочно избрать род занятий. Желавшие записаться в казаки переселялись к Ейскому укреплению – к берегам Азовского моря... На Тамани осталось примерно 116 мужского и 82 женского пола ногайцев и татар, перешедших в казачье сословие» (2. С. 37). Примером такого этнического взаимопроникновения является наличие среди фамилий казаков Кубани этнонимов ногайского происхождения: Нагой, Ногаевы, Ногайцевы, Карамурзиновы, а также фамилии с основой «гире», «солтан», «хан» и др. (26. С. 35). Следует также сказать, что первым атаманом донских казаков был Сары-Озман из крещеных ногайцев (30. С. 39–40).

Самое широкое распространение у всех народов региона имело гостеприимство. Об этом свидетельствует факт заимствования слова «кунак» (приятель) из тюркского во многие языки, в том числе в русский: «кунак», «конак» – (приятель, знакомый, с кем вожу хлеб-соль). Дословно «кунак» по-тюркски (гость), отсюда «куначество» – (взаимопосещение) (16. Т. 2. С. 218).

В исследуемый период у ногайцев существовал обычай куначества (къонакълыкь). Любой мужчина из числа соседних народов мог быть кунском ногайцев. Кунак был другом семьи и мог вести себя как ее член. Обычай гостеприимства у ногайцев, как и у других народов, своими корнями уходит в глубокую древность, он был обусловлен торгово-экономическими связями между соседними племенами и народами. Кроме того, гостеприимством пользовались кровники, похитители девушек, бежавших из родительского дома, чтобы не быть насильно выданными замуж. Обидевший гостя подвергался суровому наказанию. У терских ногайцев считалось позором, если для гостя специально не резали барана (даже при наличии мяса в доме) (Полевой материал, собранный в 1989 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 621. Л. 105, 106).

Гостей у ногайцев принимали или в юрте, или в специально отведенном помещении дома – кунацкой. Или выделялась одна из лучших комнат жилища, предназначавшаяся для гостей. Ногайцы, даже самые бедные, всегда были рады приезду гостя, считая, что вместе с ним приходит благо.

Обычай гостеприимства ногайцев распространялся не только на близких хозяина, но и на всякого путника, ищущего приют. Этот обычай был залогом взаимоуважения и взаимопомощи между народами Северного Кавказа. Много кунаков было у ногайцев и среди казаков близлежащих станиц (23. С. 153). Ногайцы, как и другие народы региона, со временем настолько сблизились с казаками, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык. У казаков и русских появились близкие друзья – кунаки в аулах, а у местных народов – в станицах и городах. Они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что между ногайцами и терско-гребенскими казаками сложились добрососедские отношения. Так, например, во время неурожайного 1740 г. казаки помогали ногайцам провиантом и другими товарами (ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45. Л. 35–36 об., 105, 135). Многие казаки и русские выезжали в аулы, где строили дома, мельницы, конюшни, разводили сады и виноградники, делали мебель для зажиточной местной верхушки. Очень часто ногайцы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи, в которых они жили как равноправные члены. В результате такого длительного тесного повседневного общения ногайцы усваивали русский язык, а многие казаки свободно владели ногайским языком (Полевой материал, собранный в 1989 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 621. Л. 137). Влияние ногайцев проявилось в том, что в языке казаков появились заимствованные из тюркского названия домашних животных, степных трав, пастушьей палки, веревки, кибитки (их русские и казаки ставили во время полевых работ), плаща-накидки, сумки, животноводческих продуктов питания (6. С. 239). Современники отмечали сходство в одежде казаков и ногайцев. Некоторые элементы праздничной пищи ногайцев (баурсак) получили распространение у русских и казаков. Праздники имели такие общие элементы, как скачки, джигитовка, устройство качелей (8. С. 125). Прав известный историк-кавказовед В.И. Марковин, который пишет: «Культура любого народа создается в результате контактов с соседними народами»(32. С. 110).

В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников. Конфликт, в который они были вовлечены, породил своеобразные формы межэтнического взаимодействия. Тесное взаимодействие в хозяйственно-культурной области, конфессиональной сфере, межъязыковом общении и др. способствовали развитию признаков маргинальности (7. С. 225–226). В этой связи характерно известное «Дело Атарщикова».

Семен Атарщиков родился в терской станице Наурской. Ребенком был отдан в

кумыкское село, где научился тюркскому, чеченскому и некоторым другим языкам. Позднее сам Атаршиков отмечал: «Я невольно сроднился с бытом, нравами и обычаями горцев» (30. С. 225). В 16 лет Атаршиков стал переводчиком в Моздокском казачьем полку. Во время Кавказской войны в 40-х гг. XIX в. он дважды бежал в горы. Во второй раз Атаршиков принял мусульманство, женился на дочери закубанского ногойского узденя и стал принимать участие в сражениях на стороне горцев (7. С. 226).

Костюм невесты у разных этнографических групп ногойцев имел свои локальные особенности. Так, невесты кубанских ногойцев одевались по черкесскому (адыгскому) образцу – в длинную рубаху, кафтанчик – «зыбын», длинное распашное платье – «шыба», шапочку, поверх шапки носили шарф (12. С. 87).

У ногойцев Терско-Сулакского междуречья невесту наряжали в костюм кумыкского типа – (рубаха и распашное длинное платье) и головной убор – «шукты», платок и др. (12. С. 87).

Важную роль в хозяйстве ногойцев играло рыболовство. Основными районами рыбной ловли на Каспийском море служили устья рек Терека, Сулака, Кумы и Прорвы. С конца XVIII в. на рыбных промыслах русских рыбопромышленников стал широко использоваться труд ногойцев (15. С. 59). Работая на рыбных промыслах, они учились у русских способам ловли рыбы, выработанным ими многолетней практикой.

Большую роль в переходе ногойцев от кочевого скотоводства к земледелию сыграла близость русских поселенцев и местных соседних народов к кубанским и терско-сулакским ногойцам. Близкие отношения с русскими и соседними народами давали возможность ногойцам постепенно перенимать у них новые хозяйственные навыки. Благодаря общению с русскими поселенцами ногойцы узнали такие культуры, как картофель, капуста и др.

Народы Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, оказывали влияние на материальную культуру русского населения на Тереке. Влияние это не было односторонним. Русское население в свою очередь оказывало известное влияние на материальную культуру местных народов. Восприняв у местного населения приемы культивирования винограда, казаки стали заниматься виноградарством и виноделием. Казаки научились у местных жителей сбору марены, которая произрастала в Терском округе (19. С. 358–359).

Опыт разведения скота ногойцами на огромных степных просторах Северо-Восточного Кавказа способствовал восприятию их опыта с соседними народами и русским населением Притеречья. Так, у даргинцев было распространено понятие «нугъай унци» (ногойский вол); волов закупали для забоя и отчасти для использования как тягловой силы. Казаки перенимали у местных народов породы скота, более приспособленные к местным условиям (ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45. Л. 10, 35, 36, 105, 135).

Под влиянием ногойцев изменилась сама структура русского крестьянского хозяйства, в котором ведущее положение до середины XIX в. занимало степное скотоводство. Русские перенимали у ногойцев способы ведения скотоводческого хозяйства, методы содержания скота. Русские пастухи, находившиеся круглый год в степи, заимствовали удобную для такого образа жизни одежду. Ногойцы в свою очередь перенимали у русских их опыт по выведению более высоких пород скота (37. С. 27).

Заимствовали ногойцы у русских и типы жилищ, строительную технику (37. С. 27). У ногойцев появились современные, европейского типа строения – жилища с русской печкой, деревянные кровати заменяли нары, появились столы, стулья, они стали разводить овощные культуры, ногойский стол сделался более разнообразным и т.д.

Добрососедские и дружественные отношения были в изучаемое время между ногойцами и чеченцами. Имели место смешанные браки и приобщение ногойцев к отдельным вайнахским родственным коллективам, в результате чего образовались ногойские поколения «ног/и – некъе» в ряде чеченских тейпов (3. С. 345). Например, в

сс. Дубаюрт и Чирюрт Шалинского района Чеченской Республики есть многочисленный тейп Ногай (43. Ч. 3. С. 7; Ч. 4. С. 219). Носители этого тейпа считают своими предками ногайцев. Чеченцы переняли от ногайцев и некоторые собственные имена: Ногай-мирза, Эльмурза, Эдильбай и др.

Длительные политические и экономические взаимоотношения ногайцев с вайнахами нашли свое отражение в фольклоре и в некоторых деталях домашнего быта. Образ Черного Ногай наделяется в чеченской героической песне (илли) всеми качествами благородного богатыря, не лишённого слабостей, но достойно соперничающего с вайнахскими наездниками (40. С. 104–107).

Топонимический материал, как указывалось, является ценнейшим источником для исследователей. Лингвистические исследования топонимов могут быть использованы в разработке вопросов этногенеза и истории ногайского народа. Кроме того, они содержат весьма ценные сведения о народах Северного Кавказа, об их жизни, быте и культуре.

Широкое распространение имеет этноним «ногай» в топонимии мест, где раньше обитали ногайцы, или у других соседних народов, где живет ныне ногайское население. Так, в адыгской топонимии существуют такие географические названия: «Ногайский лес», «Ногайские горы», «Ногайская старая крепость», «Малый ногай», «Ногайские земли» (5. С. 81, 86; 29 С. 235), в топонимии Адыгеи: «Гора ногайцев», «Вершина, на которой ногайцы пасли скот» (33. С. 90–91), в топонимии Северной Осетии – Алании: «Ногайские кладбища», «Ногайский курган» (46. С. 188), «Карачаевская балка» (в ногайском с. Карамурзинское Ставропольского края), «Абазинский колодец» (Ногайский район Республики Дагестан) (5. С. 86) и др.

Важное значение в деле налаживания межэтнических контактов, установления между народами доверия, взаимопонимания и уважения имела торговля.

Торгово-экономические взаимоотношения способствовали разрушению хозяйственной замкнутости народов региона, повышению уровня их жизни, расширению и укреплению межэтнических контактов.

В адыгских именах отразились многовековые экономические и культурные связи с соседними народами. Об этом, например, свидетельствуют часто встречающиеся имена: Куржы (Грузия), Нэгъуей, Къумыкъу, Урыс, Шэшэн и др. Многие из этих имен стали адыгскими фамилиями, бытующими и в настоящее время (31. С. 128).

Таким образом, многовековое соседство ногайцев и горцев взаимно обогатило материальную и духовную культуру и тех и других народов.

В заключение необходимо отметить, что ногайцы принадлежат к тюркоязычному межэтническому массиву на Северном Кавказе, но, даже будучи подвержены интенсивным интеграционным контактам, процессам сближения, влияния, они сохранили свою этническую и культурную самостоятельность, не поддались тенденциям нивелировки своей национальной самобытности. Среди народов Северного Кавказа ногайцы воспринимаются как неизменные и традиционные носители тюркской культуры и быта. Однако они в то же время оказались восприимчивы и к иноязычным и инонациональным веяниям настолько, что «в этнической культуре ногайцев объем и тип кавказских заимствований утвердились и осознались как коренной и органичный пласт собственно национальной духовной сути» (14. С. 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Известия 2-го Северокавказского пединститута им. Гаджиева. Т. 9. Орджоникидзе, 1932.
2. Алиева С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа после Ясского договора 1971 г. // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы VIII краевой межвузовской конференции. Краснодар, 2000.
3. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001.

4. *Баразбабиев М.И.* Национально-смешанные браки в этнокультурных связях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVII–XIX веках // Эльбрус. Нальчик, 2000.
5. *Булгарова М.А.* Этнонимы в ногайской топонимии // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988.
6. *Васильев Д.С.* Очерки истории низовьев Терека: (Досоветский период). Махачкала, 1986.
7. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – нач. XX в.) М., 1974.
8. *Великая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.
9. *Виноградов В.Б.* Время, годы, люди. Грозный, 1980.
10. *Волкова Н.Г.* Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Советская этнография. № 1. 1967.
11. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
12. *Гаджиева С.Ш.* Очерки семьи и брака у ногайцев. М., 1979.
13. *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975.
14. *Гамзатов Г.Г.* Масштабы национального самосознания и самочувствия // Историко-этнографические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993.
15. *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX в. Грозный, 1969. Т. 4.
16. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
17. *Дзасаров А.А.* Взаимоотношения алан-осетин с народами Кавказа в средние века: Автореф. дис... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999.
18. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – нач. XX в.) М., 1974.
19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
20. История Северо-Осетинской АССР. Владикавказ, 1987. Т. 1.
21. *Ионова С.Х.* Антропонимы в топонимии абазин // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988.
22. Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т. 1.
23. *Калмыкова И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Черкесск, 1988.
24. *Капаев И.С.* Уплывающие тени. Ставрополь, 1999.
25. *Кидирниязов Д.С.* Институт аталычества у ногайцев // Второй Международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа, 1997. Ч. 2.
26. *Керейтов Р.Х.* Некоторые вопросы этногенетических и историко-культурных связей кубанских ногайцев с народами Северного Кавказа // Историческое регионоведение – вузу и школе: материалы V региональной конференции. Славянск-на-Кубани, 1997.
27. *Керейтов Р.Х.* К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994.
28. *Керейтов Р.Х.* Общетюркские элементы в этнической истории и бытовой культуре ногайцев: Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 2002.
29. *Коков Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
30. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
31. *Мамбетов Г.Х.* К истории адыгских имен // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970.
32. *Марковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С.
33. *Меретуков К.Х.* Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981.
34. *Меретуков И.А.* Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987.
35. *Миллер В.Ф.* В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. 9.
36. *Мусукаев А.* Века родословий. Нальчик, 1997.
37. *Невская Т.А.* Связи ногайцев с русским населением Северного Кавказа в досоветский период // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1987.

38. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.
39. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.
40. Поэтика чеченских героических песен илли. Грозный, 1983.
41. Русско-чеченский словарь. М., 1978.
42. *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994.
43. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. Ч. 3.
44. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000.
45. Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974.
46. *Цагаева А.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Т. 1.
47. Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1997.